

УДК 341.01

ПОЛЯКОВ С. И.,

**кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой международного права,
истории права и политико-правовых учений
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара**

**Ф. Ф. МАРТЕНС ОБ ЭКСТРАДИЦИИ ЛИЦ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ
«ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»
И «ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА»**

Аннотация. В статье проанализированы взгляды Ф. Ф. Мартенса по вопросам периодизации истории становления института экстрадиции, соотношения права и политики, обоснования нормы о выдаче лиц, совершивших так называемые «политические преступления» и «преступления политического характера», установления гарантий правосудия, взаимодействия государств в деле оказания международной судебной помощи.

Ключевые слова: Ф. Ф. Мартенс, институт экстрадиции, «политическое преступление», «преступление политического характера», концепция «исключения политических преступлений».

Постановка проблемы. Во второй половине XIX в. юридическая общественность Западной Европы активно обсуждала проблему выдачи или невыдачи лиц, совершивших так называемые «политические преступления» и «преступления политического характера». Ф.Ф. Мартенс принял участие в этой полемике. В 1882–1883 гг. вышел в свет его главный труд по международному праву – «Современное международное право цивилизованных народов» [1]. Изложенные им взгляды о так называемых «политических преступлениях» и «преступлениях политического характера» сформировали целостный и важный сегмент в теории экстрадиционного права. Данная проблема не утратила своей актуальности в практике современных международных отношений. В новейшей литературе представлена концепция «исключения политических преступлений» [2, с. 79–114]. Ее основу образовали международно-правовые документы второй половины XX в., в частности Европейская конвенция о выдаче правонарушителей 1957 г. и два дополнительных протокола 1975 г. и 1978 г. [3, с. 343]. Однако закрепленные ею нормы, «выстраданные» огромным историческим опытом сотрудничества в сфере права, и в наши дни оказались весьма уязвимыми

в теории и декларативными на практике. Не случайно многие государства, ратифицировавшие указанную конвенцию (например, Украина сделала это в 1998 г.), выступили с некоторыми оговорками.

Анализ последних исследований и публикаций. Имя Ф.Ф. Мартенса настолько значимо для международно-правовой науки в прошлом и настоящем, что оно никогда ранее не входило в категорию «фигур умолчания». Примечательно, что начиная еще с прижизненных изданий и до наших дней на страницах различных библиографических словарей, справочников и энциклопедий были опубликованы статьи, авторы которых, руководствуясь достаточно жесткими схемами изложения, установленными для этих видов научных книг, осветили основные этапы, достижения и заслуги Ф.Ф. Мартенса в научно-педагогической и государственной деятельности. В этих статьях превалировала событийно-фактическая сторона, лишенная какой-либо политико-идеологической окраски. Между тем авторы второго издания «Большой советской энциклопедии» сочли необходимым отметить, что «по ряду вопросов (например, о выдаче политических эмигрантов) Ф.Ф. Мартенс отстаивал реакционные позиции царского правительства» [4, с. 394]. Сложно понять, почему были отмечены взгляды ученого именно по вопросу об экстрадиции политэмигрантов.

Первыми исследователями его доктрины стали ближайшие коллеги – отечественные юристы-международники, наряду с ним включившиеся в дискуссию об экстрадиции «политических преступников», в частности А.Я. Штигиц, Е.Я. Шостак, Д.О. Никольский (посвятивший свою работу Ф.Ф. Мартенсу), В.Л. Даневский [5]. Их труды стали основами историографического, историко-правового осмысления взглядов Ф.Ф. Мартенса по заявленной теме, поскольку последние были проанализированы названными авторами коротко и в связи с изложением множества других вопросов.

Формирование целей статьи. Установление в квалификации «политического преступления» и «преступления политического характера» составляющей обычного уголовного преступления – это многоуровневая, внутренне противоречивая проблема, вызвавшая во второй половине XIX в. полемику среди выдающихся юристов-международников. Современная концепция «исключения политических преступлений» еще не расставила всех точек над «і». Поэтому специальное изучение исторических истоков проблемы, ее теоретических основ в их изначальном виде не утратило и сегодня своего научного значения. Отметим, что в международной судебной практике взгляды, доктрины выдающихся ученых часто использовались в качестве вспомогательных средств для уточнения содержания международно-правовых норм и дополнительной аргументации при принятии решений.

Цель статьи – проанализировать взгляды Ф.Ф. Мартенса по таким вопросам истории и теории экстрадиционного права, как периодизация истории становления института экстрадиции, соотношение права и политики в международном уголовном праве, обоснование нормы о выдаче

лиц, совершивших так называемые «политические преступления» и «преступления политического характера», установление гарантий правосудия и эффективного взаимодействия национальных судебных систем в деле оказания международной судебной помощи.

Изложение основного материала исследования. Вопрос о выдаче преступников, основанный на понятии об их праве убежища, которое играло определяющую роль в международном общении, сам по себе не был в мировой истории каким-то новым событием или общим правилом, но в первой половине XIX в. приобрел особое значение. Ф.Ф. Мартенс, изучавший любое правовое явление в его многомерном историческом измерении и писавший свои труды на основе богатейшего фактического материала, выделял в истории выдачи преступников три периода, начиная с описания единичных актов, обычаев и заканчивая характеристикой процесса становления международно-правового института [1, с. 422, 426, 430]. В основе этой периодизации лежало глубокое понимание двуединой основы международного права и диалектики таких противоречивых предпосылок его существования, как прогрессирующая потребность обособленно существующих государств во взаимоотношениях и государственное разделение общества, которое стремилось к самоутверждению и самосохранению в окружающем его мире.

Руководящей идеей в теории экстрадиции было убеждение в том, что право наказания преступника имело то государство, которое находилось в каком-либо юридическом отношении к преступлению. Прежде всего это право принадлежало государству, в котором было совершено преступление (*forum delicti commissi*), поэтому оно имело если не исключительное, то главенствующее право требовать выдачи. Следовательно, принципиально не исключена возможность выдачи собственных подданных государству, в пределах которого они совершили преступные деяния. Национальность преступника играла бы второстепенную роль. С помощью таких подходов в деле обеспечения всеобщего правопорядка государства, совершая акты взаимной судебной помощи, происходила бы демонстрация уважения к правосудию чужой заинтересованной страны. При этом, конечно же, решающее значение имели бы уголовные законы места совершения преступления, а национальные законы страны пребывания не играли бы никакой роли, не отменяли бы действие принципа *legis loci delicti commissi*. Поэтому исчезали бы какие-либо коллизии в вопросах квалификации преступлений во взаимоотношениях между запрашивающим и запрашиваемым государствами как в случае отсутствия между ними картельных соглашений об экстрадиции, так и в случае наличия пробелов относительно того или иного деяния. Таким образом, алгоритм поведения государств абсолютно ясен: выдача должна последовать за все деяния, признаваемые преступными по законам места их совершения. Вопрос о том, будут ли они наказуемыми по законам местопребывания преступника, утратил бы всякое принципиальное значение.

Аргумент о том, что выдача лица, не совершившего преступного деяния по законам запрашиваемой стороны, противоречила бы его юридическому мировоззрению и морали, не выдерживал критики, поскольку акт выдачи касался бы связей между европейскими «образованными» (в отличие от иных, например, восточных) государствами. Будучи актом взаимной помощи, выдача преступников могла быть правильно поставлена только в отношениях между цивилизованными странами. Речь шла о правовых интересах государств, в которых уголовная политика, уголовное законодательство и судопроизводство находились приблизительно на одинаковой ступени развития. Только между такими государствами экстрадиция могла быть организована в соответствии с общепринятыми принципами права и требованиями международного правопорядка [1, с. 419-421]. Ф.Ф. Мартенс как убежденный сторонник правового государства считал необходимым и возможным применение его принципов во всех сферах международного общения, в том числе в делах экстрадиции, без каких бы то ни было «изъятий», поскольку, с одной стороны, никто не отрицал необходимости взаимных усилий в обеспечении международного правопорядка, а с другой – не существовало существенных юридических препятствий в деле сопровождения интересов запрашивающей стороны.

Используя понятия «цивилизированные народы», «цивилизированные государства» в названии и самом тексте своего труда, Ф.Ф. Мартенс не давал их дефиниции, что часто становилось предметом критики из-за фактического признания «исключительных» интересов некоторых групп государств. Возможно, он позаимствовал эти понятия у своего учителя – швейцарского юриста и политика И.К. Блюнчли, труд которого был опубликован на русском языке в 1877 г. [6]. Предположительно, по факту заключения двухсторонних договоров об экстрадиции в категорию «цивилизированных» были включены США и все ведущие государства Западной Европы. Россия вошла в семью цивилизованных народов и государств в 60-70-е гг. XIX в. вследствие проведения судебной реформы и последовавшего за ней подписания картельных соглашений о выдаче преступников с 14 государствами [7, с. 3-179; 8, с. 425-519]. Начиная с 30-х гг. XIX в. почти все европейские государства подписали между собой соглашения о выдаче преступников, установившие номенклатуру преступлений, правила проведения предварительных переговоров о выдаче, порядок задержания преступников и так далее. В 60-х гг. XIX в. была значительно расширена номенклатура правонарушений, по которым производилась выдача. Подписание картельных соглашений сопровождалось принятием в отдельных государствах специальных законов о выдаче. В итоге было определено, какие лица и какому государству подлежали выдаче, за какие деяния выдавались преступники, какой устанавливался порядок выдачи, какими были последствия выдачи [1, с. 430-433].

В сентябре 1880 г. в Оксфорде состоялась сессия Института международного права, которая сделала вывод о завершении институционализа-

ции экстрадиции как инструмента в деле предоставления международной судебной помощи. Члены Института международного права, другие участники сессии поддержали мнение И.К. Блюнчли о том, что улучшение уголовных законов и уголовного судопроизводства во всех цивилизованных странах Европы и Америки побудило государства заключить договоры о выдаче, между ними уже установлена солидарность относительно осуществления и развития управления уголовным правосудием [9, с. 212–213].

Между тем в двусторонних картельных соглашениях, национальных законах была установлена норма о невыдаче так называемых «политических преступников». Ф.Ф. Мартенс, анализируя этапы развития экстрадиционного права, отметил, что Великобритания первой провозгласила начало невыдачи политических преступников. Когда европейская реакция достигла своего апогея, а счет преследуемых правительствами политических изгнанников шел на тысячи, она особенно энергично выступила на защиту этих лиц, содействуя утверждению того положения, что политические преступники не выдаются. Это положение сделалось аксиомой. Сложилось убеждение, что политэмигранты имели не только право на невыдачу со стороны государства, в пределах которого они поселились, но и право на убежище в этой стране, в котором ни в каком случае им не может быть отказано [1, с. 446–447].

Хотя изложенная мысль Ф.Ф. Мартенса по своей сути не вызывает возражений у современного читателя, она нуждается в некоторых комментариях, поскольку в самом тексте работы ученый не осветил важные события и явления. Наиболее ярким примером лояльного отношения к политэмигрантам Ф.Ф. Мартенс назвал Великобританию, которая первой ввела невыдачу «политических преступников» в ранг государственной практики, провозгласила ее своей политикой. Почему туманный Альбион в условиях Великой французской буржуазной революции XVIII в. стал пристанищем для «махровых» реакционеров-роялистов, причем английское правительство содержало их не только на английской территории, но и в других странах? Одними лишь представлениями о политической свободе, демократии, парламентаризме, конституционализме руководствовались правящие круги при обосновании такой государственной практики и политики? Или же имели место иные мотивы, и что говорят о них исторические факты?

Великобритания, в которой буржуазная революция победила столетием раньше, в отличие от государств континентальной Европы первой поняла, что события 1789 г. в Париже дали начало новой эпохе. Из анархии и хаоса во Франции выросли новые силы и угрозы, которым сложно было противостоять старыми методами. Английская буржуазия, разобравшись в ситуации, своевременно приняла решение поддерживать не тех, кто создавал буржуазные порядки во Франции, а тех, кто этому препятствовал. Когда же были непосредственно затронуты ее интересы в Европе, Великобритания выступила организатором всех антифранцуз-

ских коалиций, решительнее всех стремилась доводить войны коалиции до победного конца.

Итак, с позиций Великобритании необходимо было действовать вопреки теоретическим моделям юриспруденции, поставив на первое место свой интерес, всеми силами и методами поддерживая так называемое «европейское равновесие», не давая континентальной Европе ни малейшей возможности обогнать Великобританию экономически или оспорить ее морскую и колониальную гегемонию в мире. Эмигранты (они же «политические преступники») оказались как нельзя кстати, и какое-либо требование об экстрадиции этой категории иностранцев Великобритания оставляла без ответов. Сама же с помощью угроз вынудила вольный ганзейский город Гамбург выдать трех ирландцев, обвиняемых в «политическом преступлении». Факт выдачи вызвал энергичный протест со стороны Н. Бонапарта, который обвинил городской сенат в нарушении законов гостеприимства – акте столь позорном, что за него краснели бы и дикари [1, с. 446].

Хотя международно-правовые акты и национальные законы об экстрадиции использовали термины «политические преступления», «преступления политического характера», ни соглашения, ни внутреннее законодательство не дали соответствующих дефиниций, что обусловило массу всевозможных трудностей. Ф.Ф. Мартенс писал: «Невыдача политических преступников – господствующее начало. Как объяснить это своего рода «общее место» законов и конвенций? Почему политические преступники составляют исключение? Что должно считать политическим преступлением?» [1, с. 445]. Поэтому он неоднократно использовал словосочетание «так называемое».

Эти вопросы ставили перед собой, пытаясь выйти из тупика, все ученые-теоретики, принявшие участие в дискуссии. Некоторые из них даже предложили свои дефиниции, однако ни одна из них не получила всеобщего одобрения. И все потому, что тексты самих конвенций ограничились лишь декларативной нормой о том, что за «политические преступления» и «преступления политического характера», то есть любые деяния, которые имели какую-либо внешнюю связь с политикой вообще, выдача не полагалась. Предложенные дефиниции были восприняты как личное мнение. Одни из них отличались поразительным многословием, другие – такой же поразительной лапидарностью. Ж. Ортолан определял: «Политическое преступление – деяние, имеющее целью ниспровергнуть или изменить противозаконным образом устройство высших государственных властей, разрушить или ослабить одну из них, расширить или сузить участие в них разных членов общества, совершить незаконные действия в образе деятельности этих властей или в общем и высшем направлении государственных дел, разрушить, преобразовать какой-нибудь из элементов их или все общественные условия положения частных лиц, наконец, возбудить смятения, ненависть, насильственную борьбу в обществе из-за указанных предметов» [9, с. 161]. Другие авторы были более краткими, называя

«политическими преступлениями» деяния, направленные против политического порядка (то есть независимости, территориальной целостности, межгосударственных отношений) или правительственной конституции и верховной власти.

Однако более сложной оказалась задача установления состава «политических преступлений». На основе бельгийского кодекса, например, было предложено следующее: 1) посягательство и заговор с целью разрушить или изменить форму правительства или преемство трона, поднять оружие против короля и палат; 2) преступное собрание для совершения посягательства на политический порядок; 3) посягательство и заговор с целью возбудить междоусобную войну, вооружая или приглашая граждан вооружиться друг против друга; 4) возбуждение армий, солдат и так далее; 5) проступки против конституционных преимуществ представителей народа или министров; 6) коалиция должностных лиц, принимающих противозаконные меры; 7) захваты, совершаемые административными и судебными властями; 8) злоупотребление властью со стороны государственных должностных лиц; 9) тайные и явные нападения на конституционную власть короля, неприкосновенность его особы, конституционные права династии, права и власть палат; 10) коварство, подлоги и принудительные средства, употребляемые на выборах [9, с. 161-162].

В контексте закона единства и борьбы противоположностей отношение запрашивающей стороны с запрашиваемой характеризовалось тем, что преимущество в установлении состава преступления принадлежало первой стороне, то есть перечень деяний, посягающих на государственные интересы, устанавливался каждым государством самостоятельно. Зато вторая сторона резервировала за собой возможность самостоятельно решать вопрос о выдаче преступника либо об отказе, поскольку для одних то или иное деяние было посягательством, а для других – нет. В последнем случае экстрадиции быть не могло, если какое-либо деяние не было признано преступлением на территории запрашиваемой стороны. Кроме того, любой обвиняемый в совершении преступления, оказавшись на территории другого государства, мог настаивать на политическом характере своего деяния, на отказе запрашивающей стороне от экстрадиции. Перед запрашиваемой стороной возникала сложная дилемма: оставить преступника на своей территории, признав политический характер содеянного и предоставив ему политическое убежище, либо выдать. Она считала своей обязанностью исключить всякие риски жестокого обращения с обвиняемым или преследования за политические убеждения на его родине.

Существовало ли решение такой сложной диалектической ситуации? Да, но при условии, что эпигоны невыдачи «политических преступников» не будут смешивать право с политикой. Ф.Ф. Мартенс писал: «Для юриста руководящим началом должно служить положение, что всякое преступление есть преступление, убийство есть убийство, и мотивы политические тут решительно ни при чем» [1, с. 454]. С позиции права вопрос о пре-

ступлении, по мнению ученого, не имел ничего общего с вопросом о государственном строе запрашивающей стороны. Однако на практике именно политические мотивы или интересы конкретных государств служили решающим основанием для признания ненаказуемости деяния, именуемого политическим, и даже в том случае, когда выдвигаемое требование об экстрадиции было подкреплено всеми необходимыми формальностями в пользу выдачи. Оправдание невыдачи было в принципе несложным делом, поскольку «политический преступник» представлял опасность только для местного, или специального, юридического порядка в виде формы государства либо социального строя. Эти индивидуальные особенности не могли претендовать на роль обязательных компонентов юридического порядка в рамках единого пространства всех цивилизованных государств, и международное сообщество в целом, признавая многообразие моделей государственного устройства, не отдавало предпочтения ни одной из них, не считало обязанностью оказывать судебную помощь государству, в котором преступник посягал на местный юридический порядок. Таким образом, возможности для самых разных политических манипуляций в пользу своего государственного интереса не имели пределов. Иное дело, что никакой политической и социальной строй не был вечным, и отношение к прежней избирательности во взаимной судебной помощи должно измениться.

Возвратимся к статье во втором издании «Большой советской энциклопедии», обвинявшей Ф.Ф. Мартенса в реакционности взглядов о политэмигрантах. Если быть абсолютно точным в определениях, то феномен политэмиграции не входил в круг непосредственных интересов ученого, хотя в контексте рассматриваемых проблем он признавал, что среди эмигрантов было немало заслуживающих всеобщего уважения общественных деятелей. Они выражали известные идеалы, уже реализованные в других странах. Поэтому было бы несправедливо отдавать их под суд и наказание со стороны того государства, которое само осуществило такие идеалы и где такой подданный был добрым и честным гражданином, выдавать государству, которое в настоящее время может казнить его, однако через несколько лет само изменит свой строй, приближаясь к идеалу казненного. Выдача таких лиц вредна и малополезна, поскольку не только шокировала общественность, но и настраивала ее против своего правительства. Более того, казнь сама по себе не уничтожает ни идей, ни их многочисленных сторонников [1, с. 448-449].

В августе 1879 г. (заметим: за несколько лет до издания книги) Ф.Ф. Мартенс обратился к руководству Института международного права с письмом, в котором имелись такие строки: «Право убежища играло большую роль в истории европейской цивилизации. Оно способствовало или могло способствовать спасению жизни таких людей, как Тьер, Манин, Виктор Гюго, Прудон, граф Андраши и так далее. До последних времен право убежища было оплотом, о который разбивались политические страсти и непримиримая ненависть к «политически побежденным». Выходцы целью

своих желаний ставили господство какой-либо партии и замену данного правительства другим правительством <...> Политические изгнанники этого рода были жертвами неблагоприятных обстоятельств; очень часто они были проникнуты искренней любовью к своему отечеству, к своему народу. Они страдали за идеи, в истинности которых были убеждены и которые могли рассчитывать на снисхождение и даже уважение беспристрастных лиц» [9, с. 206]. Ученый указывал: «Преступник в отечестве, политический выходец был «доблестным мужем» на чужой территории» [1, с. 450]. Обратим внимание на то, что, кроме известного термина «политический преступник», впервые были использованы термины «политический выходец», «политический изгнанник». Задача ученых заключалась в том, чтобы дать обоснованный научно-практический комментарий новому понятию. Выяснив отличительные черты «политических выходцев», легко определить, что такое «политический преступник».

Ф.Ф. Мартенс весьма настойчиво пропагандировал принцип выдачи так называемых «политических преступников». Отвечая на вопрос, почему он так делал, предположим, что из-за возникновения угрозы для мирового правопорядка во второй половине XIX в. Для первой половины XIX в. было характерно понимание того, что «политический преступник» - не враг порядка вообще, не нарушитель общих уголовных законов, поскольку он боролся против устаревших форм политической организации только на своей родине, преследовал цели, признанные незаконными лишь в одних государствах, а в других являющиеся совершенно законными и достойными всеобщего уважения. Во второй половине XIX в. произошла интернационализация социалистического движения, охватившего многие западноевропейские страны, США и Россию. Внутри него возникли радикальные идейные течения и организованные группы, которые «разжигали» классовую ненависть, препятствовали общественному компромиссу, призывали уничтожить насильственными методами все существующие государственно-политические институты. Реальную опасность для общеевропейского правопорядка, по мнению Ф.Ф. Мартенса, представлял революционный терроризм, «герои динамита и адских машин, стремящиеся не к политическому какому-нибудь идеалу, лелеянному цивилизованными народами, а к разрушению всякого общественного порядка и низвержению всех идеалов политических и культурных» [1, с. 457]. Следовательно, лица, совершившие так называемые «политические преступления» и «преступления политического характера», должны быть выдаваемы, но не для расправы, а для свершения правосудия. В свою очередь запрашиваемая сторона вправе потребовать от запрашивающей, чтобы был обеспечен беспристрастный над выданным суд, политические мотивы не отягощали наказания, суд осуществлялся не в исключительном, а в общем порядке [1, с. 456]. Ф.Ф. Мартенс, будучи убежденным и последовательным сторонником идеи правового государства, считал, что запрашивающее государство должно быть таковым. Он писал: «На этом основании можно выставить как общий закон: мера международной судебной помощи в выдаче так называемых «политиче-

ских преступников» прямо пропорциональна устойчивости и целесообразности с точки зрения государственных идеалов цивилизованных народов порядков, существующих у государства, требующего выдачи» [1, с. 458].

Выводы. Современные юристы-международники единогласны во мнении, что отсутствие дефиниций понятий «политические преступления», «преступления политического характера» до сих пор является проблемой в концепции «исключения политических преступлений» [2, с. 96]. Между тем двойственная природа международного права осталась неизменной, а материалы дискуссии второй половины XIX в. оказались весьма полезными для будущих поколений.

Так, например, Европейская конвенция о выдаче правонарушителей установила, что выдача не осуществляется, если запрашиваемая сторона имеет основания полагать, что просьба о выдаче была сделана с целью судебного преследования лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями либо что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин [3, с. 343]. Также установлено, что наказуемость указанных преступлений подчиняется правилам, которые установлены в отношении всех иных уголовных деяний; уголовный закон не предполагает никакого специального режима для преследования преступников данной категории.

Однако все еще существуют различия между национальными судебными системами, не преодолено взаимное недоверие, чтобы можно было приблизиться к идеалу, о котором говорил Ф.Ф. Мартенс.

Литература:

1. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / Ф.Ф. Мартенс. - 4 изд., доп. и испр. - СПб. : Тип. А. Бинке, 1900- . - Т. 2. - 1900. - 618 с.
2. Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики / Н.А. Сафаров. - М. : Волтерс Клувер, 2005. - 416 с.
3. Збірка договорів Ради Європи: українська версія. - К. : Парламентське видавництво, 2000. - 656 с.
4. Мартенс Федор Федорович // Большая советская энциклопедия : в 51 т. / гл. ред. Б.А. Введенский. - 2 изд. - М. : Большая советская энциклопедия, 1954- . - Т. 26. - 1954. - С. 301.
5. Штиглиц А.Я. Исследование о выдаче преступников / А.Я. Штиглиц. - СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1882. - 227 с. ; Шостак Е.Я. О выдаче преступников по договорам России с иностранными державами / Е.Я. Шостак. - К. : Тип. И.И. Завадского, 1882. - 50 с. ; Никольский Д.О. О выдаче преступников по началам международного права / Д.О. Никольский. - СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. - 539 с. ; Даневский В.Л. Пособие к изучению истории и системы международного права / В.Л. Даневский. - Х. : Тип. А. Дарре, 1892. - Вып. 2. - 178 с.
6. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса И.К. Блюнчли / под ред. Л.А. Камаровского. - М. : Тип. Индриха, 1877. - 609 с.

7. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Конвенции, декларации и ноты о взаимной судебной помощи и высылке нищих, бродяг и беспаспортных : в 2 т. / сост. И.А. Ивановский. - О. : Тип. «Одесского вестника», 1889- . – Т. 2. – 1889. – 230 с.
8. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906) / сост. В.Н. Александренко. - Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1906. - 586 с.
9. Никольский Д.О. О выдаче преступников по началам международного права / Д.О. Никольский. - СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. - 539 с.

Поляков С. І. Ф. Ф. Мартенс про екстрадицію осіб за скоєння так званих «політичних злочинів» та «злочинів політичного характеру»

Анотація. У статті проаналізовано погляди Ф. Ф. Мартенса щодо періодизації історії становлення інституту екстрадиції, співвідношення права й політики, обґрунтування норми про видачу осіб, які скоїли так звані «політичні злочини» та «злочини політичного характеру», встановлення гарантій правосуддя, взаємодії держав із питань надання міжнародної судової допомоги.

Ключові слова: Ф. Ф. Мартенс, інститут екстрадиції, «політичний злочин», «злочин політичного характеру», концепція «вилучення політичних злочинів».

Polyakov S. F. F. Martens about extradition of persons who committed so called “political crimes” and “crimes of political nature”

Summary. Qualification of so called “political crimes” and “crimes of political nature” is a complicated issue that caused polemics amongst outstanding lawyers of Western Europe and Russia in the second half of XIX century. The aim of the author is to analyze views of F.F. Martens concerning such issues of history and theory of the law of extradition as periodization of history of emergence of the institute of extradition, correlation between law and politics in the international criminal law, justification of the norm for extradition of persons who committed “political crimes” and “crimes of political nature”, establishment of guarantees of justice and effective cooperation amongst national judicial systems in the matters of rendering of international judicial assistance. F.F. Martens assumed that the radical wings of socialistic movements, particularly revolutionists-terrorists had been of danger for overall European order since they called for eradication of all existing state-political institutions. Persons who have committed so-called “political crimes” and “crimes of political nature” should be extradited. There should be set up guarantees for conducting jurisdiction: impartial trial over extradited person; political motives cannot weight punishment; trial should be conducted in general and not in exclusive manner.

Key words: F. F. Martens, institute of extradition, “political crimes”, “crimes of political nature”, concept of “exclusion of political crimes”.